

СОНИН СУД

В беседке под старым абрикосовым деревом Соня читала Басе, Люсе и Персику сказку Пушкина.

У Лукоморья дуб зелёный,

Златая цепь на дубе том.

На самом деле Соня рассказывала сказку по памяти, потому что знала начало наизусть. Однако ей очень хотелось, чтобы Бася, Люся и Персик думали, что она умеет читать. Солидно перевернув страницу, Соня покосилась на слушателей.

Персик с зажатой в зубах резиновой морковкой скакал вокруг её ног, требуя, чтобы она отняла игрушку и забросила подальше. Когда его просьба исполнялась, Персик со счастливым лаем нёсся за морковкой, хватал в зубы и снова возвращался к Соне. Эта игра ему никогда не надоедала. Бася валялась на спине, скрестив передние лапки в белых «носочках» и задрав кверху задние в пушистых белых «штанишках». Её голова с коричнево-белой мордочкой была повернута набок, глаза прикрыты. Слушала Соню лишь Люся. То ли из вежливости, то ли потому, что сидела в клетке и деваться было ей некуда.

И днём, и ночью кот учёный

Всё ходит по цепи кругом, — сообщила публике Соня.

Бася неодобрительно стукнула хвостом:

— Сажать учёного на цепь — варварство! Особенно, кота!

Идёт направо — песнь заводит.

Налево — сказку говорит.

Что случилось у Лукоморья дальше, Соня запомнила, поэтому укоризненно заметила:

— А ты, Бася, ни сказок не рассказываешь, ни песен не заводишь!

Приоткрыв жёлтые глаза, Бася бросила на девочку взгляд, исполненный скорби:

— Как не стыдно требовать от меня такую чушь! Сказки и песни! В моём-то возрасте!

При моём-то здоровье!

Бася и впрямь была самой старшей в компании. Ей исполнилось восемь лет, а Соне только шесть. Персик с Люсей и того моложе. Что касается здоровья, то единственный телесный недуг, которым страдала Бася, состоял в ожирении.

— Не такая уж ты старая, — поджала губки Соня, — и не больная. Папа говорит, что тебе просто надо больше двигаться. Ты хоть вокруг дерева походи. Направо и налево.

Бася зевнула во всю розовую пасть, не соглашаясь с этим бессмысленным предложением. К Соне вновь подскочил пёсик и забросил морковку ей на колени.

— А ты, Персик, с мыслью меня сбиваешь, — строго сказала Соня.

Бася, мимо которой пронёсся Персик, недовольно уселась и стала похожа на пушистый шар. Раздражённо постукивая хвостом, Бася уставилась на Персика, который вдвое уступал ей в размерах:

— И зачем только в доме поселили это суетливое существо?

— Затем, что собака — друг человека! — жизнерадостно протягивал Персик.

— В отличие от жирных ленивых кошек! — неприязненно пискнула Люся, питавшая к семейству кошачьих генетическую антипатию.

Бася перевела немигающий жёлтый взгляд на Люсю:

— Крыса — тоже друг человека?

Люся встопорщила усы:

— Больше, чем друг! Крысы — предки человека и ближайшие родственники!

— Вот и нет, — возразила Соня. — У меня все ближайшие родственники — люди.

И предки тоже.

— Люди произошли от крыс! Учёными это доказано!

— Учёными крысами? — уточнила Соня.

— И днём, и ночью крыс учёный всё ходит по цепи кругом, — насмешливо фыркнула в усы Бася.

— Учёными людьми, — окрысилась Люся.

— Может, эти учёные люди и произошли от крыс, а я — от мамы и папы, — отмежеввалась от учёных Соня. — Мама и папа совсем не похожи на крыс!

— На крыс белки похожи! — подал голос Персик и с заливистым лаем помчался к дереву, возле которого носилась пара игривых белок.

— Ближайших родственников в клетках не держат, — стукнула хвостом Бася. — В клетках держат вредителей и разносчиков заразы!

— На кого это ты намекаешь? — взвизгнула Люся. — Белые крысы — чистейшие!

Басин хвост стал выбивать дробь:

— А ты ещё и расистка!

— Кто Люся? — не поняла Соня.

— Мерзкое существо, считающее альбиносов с лысыми розовыми хвостами чище других. Ненавижу расистов! — прошипела Бася.

— Благодаря белым крысам совершены почти все открытия в медицине! — заверещала Люся.

Бася вскочила, вздыбив пушистую шерсть:

— Белым?! Ты опять за своё?! Расисты вроде тебя убивали чёрных кошек!

— Это крысы-то убивали кошек?! — В ярости заверещала Люся.

Устав гоняться за белками, вернулся Персик. Однако накал страстей заставил пёсика забиться под лавочку и спрятаться за Сонины ноги.

— Замолчите! — сердито воскликнула Соня. — Как вам не стыдно?! Бася, ты же старшая! Зачем обзываешь Люсю?! А ты, Люся, чего взбесилась?!

— Я требую сатисфакции! — взвизгнула крыса.

— Это я требую! — прошипела Бася и, чтобы успокоиться, принялась вылизываться.

Дождавшись, пока крыса прекратит метаться по клетке, Соня сказала:

— Вы тут наговорили много непонятного и неприятного. Объясните, чего вы требуете и от кого.

— Исторической справедливости! — последовал обоюдный ответ.

Чувство справедливости у Сони было историческим, если не сказать врождённым. Поэтому с требованием она согласилась:

— Справедливость устанавливает суд. Судьёй назначаю себя, а Персика как друга человека — другом судьи. Люся и Бася! Вы обвиняете друг друга в чём-то нехорошем. Суду предстоит разобраться в этом запутанном деле.

— Может, не надо? — вылез из-под лавки пёсик. — Лучше морковку кинь!

— Морковка надоела, мы будем играть в суд. А ты как друг судьи должен вести себя серьёзно! — приструнила его Соня. — Кому предоставить первое слово, Басе или Люсе?

— Мне! — подскочил Персик.

— Ты тоже кого-то обвиняешь? — удивилась девочка.

Персик завиллял хвостиком, выразительно поглядывая на морковку. Однако Соня не вняла безмолвной мольбе и важно сказала:

— Справедливость требует, чтобы другу судьи тоже было дано слово. Однако ввиду отсутствия обвинений, в самом конце. Первой говорить будет Люся как предок и ближайшая родственница некоторых учёных людей. Ты не возражаешь, Бася?

Вытянув вперёд правую заднюю лапку, кошка её вылизывала и не отвечала. Соня сочла это знаком согласия и хлопнула резиновой морковкой по столу:

— Открываем разбирательство! Люся будет обвинителем Баси и своим адвокатом.

Люся взволнованно начала:

— Люди похожи на крыс больше, чем на кошек и собак!

Соня снова стукнула морковкой по столу:

— Суд протестует! Не все люди похожи на крыс!

— У крыс с людьми почти идентичные гены! Не то, что у всяких хищников! — Люся пошевелила усами в сторону Баси и Персика.

— Обзывая друга судьи, — строго сказала Соня, — ты проявляешь неуважение к судье. А, значит, и к суду.

— Я лишь объясняю, почему крысы и люди похожи, — ответила Люся. — Крысы болеют практически всеми человеческими болезнями.

— Это ничего не доказывает, — возразила судья. — Кошки тоже болеют человеческими болезнями. У Баси ожирение, однако она им не хвалится.

— Лекарства, которыми лечат людей, сначала тестируют на белых... — Кошка прекратила вылизывать лапку, и Люся немедленно поправилась: — На лабораторных крысах. Это чистые линии, выведенные из пасюков.

— Из каких босяков? — не поняла Соня.

— Из серых крыс. Как предок человека, крыса является его идеальной моделью, только более жизнеспособной.

— Тараканы ещё жизнеспособней, — насмешливо проорчала Бася.

— Тараканы — не родственники людей! На них тестируют яды, а на крысах лекарства.

— Не пора ли тебе закругляться с объяснениями? — Бася демонстративно зевнула, показывая свои острые клыки. — Оду крысам мы уже выслушали.

Чуткая к справедливости Соня стукнула морковкой по столу:

— Суд протестует! Продолжай, Люся!

Нервно подрагивая, Люся заявила:

— Крысы очень умны. У них идеальное общество, с которого люди берут пример. Чужаков крысы истребляют. Во главе стаи стоит самый умный и безжалостный самец...

— Суд протестует! — возмутилась Соня. — Это вовсе не идеальное общество! И люди пример с него не берут!

— Ещё как берут! — сверкнула красными глазками Люся.

— Предлагаю передать слово мне, — мякнула Бася.

— Я ещё даже не перешла к обвинению кошек в тысячелетнем рэттусциде! — взвизгнула Люся.

Что такое «тысячелетний рэттусцид» Соня не знала. Это было первое судебное дело в её юридической практике, а Бася и Люся так и сыпали незнакомыми терминами. Однако, то и дело задавать вопросы, демонстрируя тем самым своё невежество, Соне (как человеку

и судье) было неловко. Выручил её друг судьи, которому не терпелось закончить разбирательство и возобновить игру в морковку.

— Так быстрее переходи к обвинению! — поторопил Персик.

— Вам известно имя Таузер? — перешла Люся.

Соне имя «Таузер» сказало не больше, чем загадочный «рэттусид».

— Этот серийный убийца из Шотландии лишил жизни двадцать восемь тысяч восемьсот девяносто девять жертв!

— Надеюсь, его примерно наказали! — воскликнула девочка, потрясённая злодеяниями Таузера.

— Ничего подобного! Таузер дожил до крайне преклонного возраста, аж до двадцати четырёх лет, а после смерти его занесли в книгу рекордов Гиннеса.

— Разве серийных убийц заносят в книгу рекордов? — удивилась Соня. — И потом, Люся... Двадцать четыре года — это, конечно, возраст пожилой, но не крайне преклонный.

— Для кота преклонный!

— Так его жертвами были крысы? — догадался Персик, радуясь собственной сообразительности.

— Ещё мыши и кролики, — подтвердила Люся. — А вы слышали о Лондонской пятнистой охотнице, задушившей за шесть лет двенадцать тысяч четыреста восемьдесят крыс?

Тут Бася, не дождавшись своей очереди, прошипела:

— Какие точные цифры! А кто в четырнадцатом веке убил двадцать пять миллионов человек? Отвечай, чьих блох это дело?

Люся съёжилась и пискнула:

— Кто из вас без блохи пусть первый вонзит в меня зубы.

— Я без блохи, — уверенно сказала Соня. — Но зубы в тебя вонзать не буду. Даже не проси, Люся!

— И я без блохи! — Запрыгал вокруг клетки с крысой Персик. — Меня специальным шампунем моют! Я бы вонзил в тебя зубы, только мне клетка мешает! Вылезай и давай поиграем! Ты будешь белкой, а я — лайкой!

— Ты такая же лайка, как я леопард! — фыркнула Бася, умывая мордочку.

— В самом деле, Персик! Ты вовсе не лайка, а померанский шпиц! — поддержала кошку Соня, во всём любившая точность. — Кроме того, ты мешаешь мне разбираться в деле. А ещё называешься другом судьи!

Пристыженный пёсик снова забился под лавочку, а Соня обратилась к Люсе:

— Суд желает знать ответ на вопрос: чьих блох это дело?

Красные Люсины глазки забегали:

— Уж точно не белых, в смысле, не лабораторных крыс... Нас вообще в четырнадцатом веке не было!

— Зато ваши предки были! Пасюки! Их блохи свели в могилу треть живших в Европе людей! А кого обвинили люди? Напомни-ка, альбинос!

— Откуда мне знать? — встопорщила короткую шёрстку Люся. — Нас вывели столетия спустя.

— Кошек обвинили! Крысы свалили вину на нас! Особенно чёрным кошкам досталось!

— Я же говорила, что крысы очень умны! — ехидно пропищала Люся.

— Бася, во-первых, ты не чёрная, а пятнистая, — заметила Соня. — Во-вторых, сейчас не твоя очередь обвинять. А ты, Люся, заканчивай. В чём ты обвиняешь Басю?

— В убийстве крыс и мышей.

— Признаёшь ли ты, Бася, себя виновной? — сурово спросила судья.

Опусив мордочку и делая вид, что вылизывает передние лапки, кошка невозмутимо мурлыкнула:

— Признаю.

Соня осуждающе покачала головой:

— Бася, как тебе не стыдно врать суду?! Мама мне рассказывала, что ты в жизни не поймала ни одной мыши! А все твои охотничьи трофеи — одна цикада, два сверчка и маленькая ящерица, сбежавшая от тебя.

Сообщив эти позорные для кошки сведения, Соня стукнула морковкой по столу:

— Суд признаёт Басю не виновной в обвинениях Люси! Если у тебя, Люся, есть претензии к пятнистой охотнице, отправляйся в Лондон. Бася хоть и пятнистая, но не охотница. Теперь перейдём к обвинениям Баси. В чём ты обвиняешь Люсю?

— В том, что крысы рассорили людей с кошками! Когда-то люди обожествляли кошек, даже мумии из них делали, как из фараонов. Потому что кошки являлись идеалом человека.

— Какого человека? — уточнила дотошная судья.

— Разумного. Но, когда крысы оклеветали кошек, люди стали принимать нас за врагов.

— Ты полагаешь, Бася, что кошек оклеветали крысы?

— Только крысам была выгодна ссора людей с кошками! Люди истребили почти всех кошек, за что поплатились. Потому что полчища расплодившихся крыс сеяли среди людей страшные болезни!

— Болезни сеяли блохи, — вступилась за предков Люся. — Крысы не любят блох, никто блох не любит! А людей крысы любят, тянутся к ним поближе...

— Тянутся, чтобы вредить! — прошипела Бася. — Кто уничтожает продовольствие? Кто портит провода?

— Бася, не вали обвинения в кучу. — оборвала её Соня. — Мы говорим не о проводах, а о клевете. Значит, ты заявляешь, что крысы нарочно поссорили людей с кошками, за что поплатились и кошки, и люди?

— Заявляю. — Бася снова продолжила умываться.

— А ты, Люся, утверждаешь, что у твоих предков не было дурных намерений?

— Не было, — пискнула Люся. — Намерения были у их блох!

Соня постучала морковкой по столу, призывая к вниманию:

— Мы с Персигом вас выслушали, теперь слушайте меня. Как человек и судья, я выношу решение! Какие намерения имели Люсины предки и их блохи, неизвестно, поэтому судить о них я не буду. Зато могу точно сказать, что люди, позволившие оклеветать кошек, разумными не являлись! Только самые глупые люди ссорятся с кошками! Лично меня, Бася, никто не заставит с тобой поссориться! Хотя мне немножко обидно, что ты не заводишь песен и не рассказываешь сказок, но дело твоё. Однако я прошу тебя, не обижай Люсю и не попрекай её альпи-носом! Не у всех такой прелестный носик, как у тебя, такая очаровательная мордочка и мягкая шубка, которую всё время хочется гладить. Нехорошо этим хвастаться, Бася! А тебя, Люся, попрошу не крыситься на Басю! Когда ты крысишься, становишься похожей на своих предков-босяков. Можешь считать себя моей ближайшей

родственницей, однако я с этим не согласна, хоть ты и милая. На этом разбирательство считаю закрытым. — Соня облегчённо выдохнула. — Слово передаётся другу судьи.

— Кинь морковку! — немедленно донеслось из-под лавочки.

Девочка сжалась, и Персик, повизгивая от радости, бросился за игрушкой. А Соня, вспомнив продолжение сказки, солидно перевернула ещё одну страницу и вернулась к прерванному «чтению»:

Там чудеса, там леший бродит.

Русалка на ветвях сидит...